

УДК 81'37
ББК 81.03

И.А. Литвинова

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
ОППОЗИЦИИ
КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ
СП «ТВОРЧЕСТВО»
В ИДИОЛЕКТЕ
М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**

Пространственные оппозиции являются одним из способов реализации СП «творчество» в идиолекте М.И. Цветаевой. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что пространство – одна из центральных категорий в картине мира автора, и зачастую познание и представление даже абстрактных понятий осуществляется через пространственные оппозиции. С другой стороны, при характеристике творца М.И. Цветаева противопоставляет внутренне «полное» пространство гения и внешнюю пустоту как необходимые условия акта творчества.

Ключевые слова: *М.И. Цветаева, пространство, оппозиция, семантическое поле, творчество.*

DOI 10.23683/1995-0640-2017-2-187-192

Литвинова Ирина Александровна – канд. филол. наук, преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-904-443-67-76

E-mail: bobrisheva.irina@mail.ru

© Литвинова И.А., 2017.

Одним из ключевых семантических полей (далее – СП) в идиолекте М.И. Цветаевой является СП «творчество». Особенность данного СП в текстах М.И. Цветаевой состоит, на наш взгляд, в том, что оно зачастую реализуется через авторское моделирование пространства. Цель настоящей статьи – проанализировать пространственные оппозиции в произведениях автора как репрезентанты СП «творчество». Материалом для анализа послужили прозаические тексты («Наталья Гончарова», «Герой труда», «Живое о живом», «Из записных книжек и тетрадей»), в которых наиболее ярко проявляется эта черта идиолекта М.И. Цветаевой.

Пространство имеет большое значение в создании картины мира человека. На это указывают такие исследователи, как Ю.М. Лотман, Е.С. Яковлева, А.А. Гвоздева, А.Г. Спиркин, А.А. Ивыгина, В.А. Маслова и др. В произведениях М.И. Цветаевой пространство занимает особое место при характеристике творческой личности. При этом одной из основных особенностей этого пространства становится его авторское моделирование на основе бинарных противопоставлений.

Очерк «Наталья Гончарова» посвящен русской художнице-авангардистке. Автор противопоставляет мастерскую Гончаровой всему остальному дому, двору и улице на основе трех оппозиций: *освещенность / неосвещенность, открытость/закрытость, теснота/простор*. «После всего мрака – весь свет, всей стиснутости – весь простор» – на лексическом уровне противопоставление рабочей ком-

наты остальному пространству подчеркивается с помощью антонимов (*мрак – свет, стиснутость – простор*), а на графическом – использованием тире в синтаксически схожих предложениях. М.И. Цветаева сначала замыкает, «стесняет», открытое пространство улицы («*не улочка, а ущелье, а еще лучше – теснина*» [Цветаева, IV, с. 64]), делает его незаметным и незначительным («*настолько не улица, что каждый раз, забыв и ожидая улицы, проскакиваю*» [Там же]) и загромождает двор ямами и глыбами, а потом на контрасте расширяет замкнутое пространство мастерской с помощью слов *свет, пространство, простор, пустыня, пустота*.

Через существительное *свет*, которое увеличивает семантическую емкость в анализируемом контексте, реализуются все три названные пространственные оппозиции. В первую очередь в предложении «*После этого света – тот*» через противопоставление мрака и света при описании помещения актуализируется значение ‘освещенность’. Авторское значение ‘пространство’ возникает на основе первого: там, где заканчивается свет, начинается новое пространство, другое, противопоставленное этому. Также в данном контексте у слова *свет* реализуется значение ‘Земля, Вселенная’ благодаря использованию лексемы *рай*, её антонима *ад* (мифологический вариант *Аид*), и устойчивого словосочетания *тот свет* и *место пусто* (последнее восходит к церковнославянским текстам Евангелий от Матфея и от Луки). Свет, открытость, простор и покой являются характеристиками не только мастерской Гончаровой, но и рая. В анализируемом очерке «*рабочим раем*» М.И. Цветаева называет мастерскую, место, где творит гений, где рождаются его будущие произведения. Автор характеризует свой рабочий рай через ассоциативные цепочки: «*В пустоте – в тишине – с утра; пусто – просторно, просторно – покойно, покойно – светло*» [Цветаева, IV, с. 68].

Таким образом, автор четко противопоставляет внутренний мир, внутреннее пространство поэта внешнему. Необходимым условием всех будущих творений является не только полнота личности гения, но и окружающая его пустота, простор, которые не стесняют и стимулируют к самовыражению. Именно поэтому эта характеристика является для автора необходимым условием появления новых произведений: «*Только **пустота ничего не навязывает, не вытесняет, не исключает**. Чтобы **всё** могло быть, нужно, чтобы **ничего не было**. Всё не терпит чего (как “могло бы” – есть)*» [Цветаева, IV, с. 68].

При реализации СП «творчество» в произведениях М.И. Цветаевой автор не только по-своему трансформирует и переосмысляет реальное физическое пространство, но и моделирует свое собственное: «*Мое время меня как действующую силу – смел и смел бы – во всякой стране (кроме одной огромной и нескольких, многих (ещё – многих!) маленьких). Я ему не подошла идейно, как и оно мне. “Нам встречи нет, мы в разных странах”. Я – в стране **уединенных**, а оно – **пустыня со все редкими сторожевыми постами** (скоро – просто кустами – с костями). Мало того, оно меня овражило и, естественно, огромило, мне часто*

пришлось говорить (орать) на его языке – его голосом, «не своим голосом», к<оторо>му предпочитаю – собственный, которому – тишину» [Цветаева, IV, с. 601].

В анализируемом фрагменте центральным является противопоставление лирической героини (поэта) и времени (эпохи), в котором она живет. Неприятие своего времени автор выражает в категориях пространства, создавая образы двух стран, которым свойственна пустота разного качества: 'отсутствие как ущербность' и 'отсутствие как потенциальность'. «Страна уединенных» – это идеал, стремление к пустоте этого мира обусловлено желанием остаться наедине с самим собой, чтобы ничего не мешало, не отвлекало от самореализации. Добровольность этого отчуждения от полноты вещного мира доказывается значением глагола *уединяться*: 'удалившись от других в какое-либо место, остаться одному или наедине с кем-либо' // 'отделиться, обособиться от окружающих, избегая общения с ними' [МАС, IV, с. 472]. То, что пустота этой «страны» – залог будущих творений, а значит, потенциальная полнота, подчеркивается использованием слова *тишина*. Чтобы сделать акцент на том, какая именно сема данного существительного актуализируется в этом контексте, автор приводит метадефиницию: *тишина «не отсутствие звуков, а отсутствие лишних звуков, присутствие насыщенных шумов»* [Цветаева, IV, с. 69]. Лирическая героиня предпочитает эту тишину, рождающую смыслы, всем голосам своего времени.

Вторая страна – мир реальный, он называется *пустыней*. Кроме сем 'пустота', 'обширность', в значении этого слова можно выделить семы 'скудная растительность', 'безводность', которые подчеркивают отсутствие того, что необходимо для полноценного существования, а значит, и отсутствие самой жизни. Эта пустота разрушающая («со все редяущими сторожевыми постами») и даже уничтожающая («скоро – просто кустами – с костями», «смел»), она противопоставлена созидающей пустоте «страны уединенных».

В очерке «Герой труда» СП «творчество» реализуется через противопоставление двух поэтов: «Бальмонт. Брюсов. Только прислушаться к звуку имен. Бальмонт: **открытость, настезь – распахнутость**. Брюсов: **сжатость** (ю – полугласная, вроде его, мне, тогда закрытки), **скупость, самость в себе**. В Брюсове **тесно**, в Бальмонте – **просторно**. Брюсов **глухо**, Бальмонт: **звонко**. Бальмонт: **раскрытая ладонь – швыряющая**, в Брюсове – **скрип ключа**» [Цветаева, IV, с. 52].

Противопоставление Брюсова и Бальмонта осуществляется на разных языковых уровнях. В первую очередь, при характеристике поэтов М.И. Цветаева использует слова, которые традиционно в русском языке применяются при описании пространства: *просторно* – *тесно*. Лексемы, входящие в данную оппозицию, противопоставляются на основе семы 'свобода'. Наречие *просторно*, характеризующее такое место, где достаточно пространства, чтобы чувствовать себя комфортно, где ничего не стесняет, используется для создания образа Бальмонта как истинного творца. Пространственное значение в данном контексте также реализу-

ется через лексемы *настежь*, *распахнутость*, так как эти слова обычно употребляются в сочетаемости со словами *двери*, *окна*, *ворота* и т.п., которые называют створы, открывающие или закрывающие пространство. Пространственной семантикой в анализируемом фрагменте текста заражаются и те слова, которые в системе русского языка ею не обладают. Существительное *открытость*, которое обычно используется для характеристики человека и обозначает 'откровенность, доверчивость', употребляясь в одном ряду со словами *настежь*, *распахнутость*, также воспринимается как качество пространства и функционирует в тексте как существительное, называющее свойство мотивирующего прилагательного *открытый* в значении 'ничем не загромаженный'. Кроме этого, в предложении «*Бальмонт: раскрытая ладонь – швыряющая*» у существительного *ладонь* актуализируется его этимологическое пространственное значение ('ровное место на току') и подчеркивается связь с существительным *долина* ('пространство между горами и холмами'). Таким образом, при характеристике Бальмонта как творческой личности М.И. Цветаева использует лексемы, которые в русском языке имеют сему 'пространство' или заражаются этой семантикой в контексте.

При создании образа Брюсова автор почти не использует лексики с собственно пространственным значением. «Узость» этого поэта в основном реализуется на фонетическом уровне. Вся суть Брюсова, по мнению М.И. Цветаевой, сконцентрирована в звуках, обозначаемых буквой *ю*. Во-первых, автор называет *ю* полугласной, подчеркивая, что, написанная отдельно, не после согласного, она обозначает сочетание двух звуков [j] и [y] и перестает передавать на письме звук свободного прохода, как все гласные. Далее М.И. Цветаева совсем отрицает присутствие голоса, свободы в этом имени: *Брюсов глухо*, *Бальмонт: звонко*. Сравнивая звучание фамилии поэта со скрипом ключа, автор подчеркивает ее фонетическую резкость. Во-вторых, при произнесении *ю* мы вытягиваем губы, сужая их, т.е. создаем тесное, узкое пространство. Значение замкнутости, тесноты пространства Брюсова также реализуется через лексемы *сжатость*, *скудость*.

По мнению М.И. Цветаевой, только отсутствие лишнего, того, что стесняет и отвлекает от главного, дает свободу для самовыражения. Именно простор является необходимым условием творчества. В. Брюсов, как считала М.И. Цветаева, не обладал открытостью, которая необходима поэту, именно по этой причине она не признавала его одаренности, его гения. Брюсов для нее был «узок», даже нахождение с ним в одном пространстве было стесняющим: «*в комнате сразу стало тесно, – не комната, а клетка, и не только волк в ней – я с ним! Точное чувство совместной запертости с волком <...> в этой спертости, почти лоб в лоб*» [Цветаева, IV, с. 34].

Можно сказать, что простор для М.И. Цветаевой является условием не только реализации творчества, но и свободного полноценного существования, самого бытия. Такое представление совпадает с пониманием простора в русской языковой картине мира. Простор – это открытое

пространство, простираемое вширь, не имеющее конца и края и дарящее свободу. Подобное представление отражается во внутренней форме самого слова *пространство* (*pro-stor-), включающей такие смыслы, как 'вперед', 'вширь', 'вовне', 'открытость', 'воля' [Топоров, с. 341 – 342]. По мнению Н.А. Бердяева и А.Д. Шмелева, для русского человека простор – это состояние души, а уединение в просторе дает самопознание. Стремление на простор обусловлено тем, что только там человек может достичь покоя, быть самим собой (см.: [Бердяев, с. 280], [Шмелев, с. 349]).

Простор, реализующийся в окружающей творца пустоте, противопоставляется внутренней «полноте» художника, поэта. Именно пустота, с одной стороны, позволяет сосредоточиться на акте творчества, а с другой – может принять всю ту полноту, которой обладает творец, требует от него заполнения. Следует подчеркнуть, что в оппозиции *внешнее – внутреннее пространство гения* М.И. Цветаева в своих произведениях более детально характеризует первое, возможно, в силу очевидной «полноты» последнего. Так, например, в очерке «Живое о живом» можно выделить целый ряд лексем, которые подчеркивают пустоту, просторность Коктебеля как пространства, окружающего поэта М. Волошина: *пустыня, пустырь, место пусто, пустынный, голые, ни кустка, ни ростка, не было, никаких цветов, сплошной острый угол горы, один, одиночество, редкие проезжающие*. Характеристики внутреннего пространства поэта, напротив – единичны и могут быть обобщены в предложении «*Творчество Волошина – плотное, весомое, почти что творчество самой матери*» [Цветаева, IV, с. 160].

Таким образом, одной из особенностей СП «творчество» в идиолекте М.И. Цветаевой является его реализация через пространственные оппозиции. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что пространство является одной из центральных категорий в картине мира автора, а принцип оппозиций выступает основным при его описании и моделировании. Кроме этого, многие пространственные бинарные оппозиции в рамках СП «творчество» являются реализациями противопоставления *пустое – полное*. Окружающая творца пустота как потенциальность является основным условием реализации его дара. Она побуждает к заполнению, дает возможность выразиться внутренней «полноте» гения («...*Гончарова, сразу, как по заказу, поняв, в чем дело, сразу, как по заказу, заполняет целую стену первой собой*» [Цветаева IV, с. 96]). Такая пустота проявляется в просторе, дарящем свободу, в отсутствии загромождения лишними предметами. Необходимым условием будущих творений также является уединение, добровольное одиночество, которое тоже обеспечивает окружающую пустоту.

Литература и источники

- Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М.: ЗАО «Сварог», 1997. 540 с.
МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999.

Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 341-342.

Цветова М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994 – 1995.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

References

Berdyaev N.A. *Russkaya ideya. Sud'ba Rossii*. М.: ЗАО «Svarog», 1997. 540 p. (In Russ.).

MAS – *Slovar' russkogo yazyka*: v 4 t. Pod red. A.P. Evgen'evoi. М.: Russkii yazyk, 1999. (In Russ.).

Toporov V.N. Prostranstvo. *Mify narodov mira: Entsiklopediya*. Т. 2. М.: Sovetskaya enciklopediya, 1980, pp. 341-342. (In Russ.).

Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochinenii v semi tomakh*. М.: Ellis Lak, 1994-1995. (In Russ.).

Shmelev A.D. *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'*. М.: Yazyki slavyanskoi kultury, 2002. 496 p. (In Russ.).

Irina A. Litvinova (Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russian Federation)

Space Oppositions as Representatives of SF «Creativity» in M. Tsvetaeva's Idiolect

The article analyzes the semantic field «creativity», which is one of the central in the idiolect of M. Tsvetaeva. The peculiarity of this SF in the author's texts is its implementation through the author's modeling of space on the basis of binary oppositions. The material for analysis was prosaic texts, in which this feature of the author's works is most clearly realized («Natalia Goncharova», «Hero of Labor», «Living On the Living», «From Notebooks and Copybooks»).

This M. Tsvetaeva's feature is conditioned, on the one hand, by the fact that space is one of the central categories in the world picture of M. Tsvetaeva, and often the cognition and representation of even abstract concepts is realized through spatial oppositions. On the other hand, many spatial binary oppositions within the SF «creativity» are realizations of the opposition *empty* – *full*, because when characterizing the creator for M. Tsvetaeva, the opposition of the inner «full» space of genius and external emptiness as necessary conditions for the act of creativity becomes significant. The emptiness surrounding the creator as a potentiality is the main condition for the realization of the gift. It induces to filling, gives the opportunity to express the inner «fullness» of genius.

Key words: *M. Tsvetaeva, space, opposition, semantic field, creativity.*

Irina A. Litvinova – candidate of philology, lecturer. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: 8-904-443-67-76; e-mail: bobrisheva.irina@mail.ru